

Г.И. Муромцев

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ О НАШЕЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АФРИКАНИСТИКЕ

Обращенная ко мне просьба написать статью об исследованиях государства и права стран Африки в Российском университете дружбы народов (РУДН) вызвала некоторую растерянность. Действительно, такие исследования – дело далекого прошлого, их нет уже больше 20 лет. А имеющиеся работы (при всей научной добросовестности их авторов), как правило, методологически уязвимы и, следовательно, не во всем корректны в своих выводах. И все-таки, подумав, я решил ее написать, поскольку отрицательный результат в исследовании – тоже положителен: он помогает избежать в будущем уже допущенных ошибок.

Цель этих кратких заметок – рассказать, как создавалась школа юридической африканистики в нашем Университете, о других советских школах такого же рода, об основных направлениях исследований в этой области и о допущенных при этом методологических издержках. Наконец, в статье предпринята попытка показать исторические параллели в правовом развитии стран Африки и России.

Итак, в 60-е годы XX века, когда Университет дружбы народов лишь начинал формироваться, юридическая африканистика как направление исследований в советской науке была, по сути, не вспаханной целиной. Причин тому существовало несколько. Прежде всего, в течение долгих лет Африка была колониальным континентом, судьба которого решалась в европейских столицах. Исключением здесь были, пожалуй, лишь Эфиопия да Южно-Африканская республика. При этом в последней также существовала острейшая проблема расовой

сегрегации в форме апартеида. Неудивительно поэтому, что советская правовая наука изучала тогда разве что системы колониального управления в африканских странах. Потом начался процесс провозглашения независимости.

В арабских странах Северной Африки он пришелся на 1950-е годы. В Тропической Африке начало ему положила «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам», принятая Организацией Объединенных Наций по настоянию СССР в 1960 году. По сути эта «Декларация» и Университет (тогда – УДН имени Патриса Лумумбы) были одногодками. Неудивительно, что молодой Университет в то время еще не был готов к серьезным исследованиям правовых проблем стран Африки, поскольку не имел специалистов в этой области.

В самом деле, ко времени создания УДН уже существовал центр африканских исследований – Институт Африки Академии Наук СССР (АН СССР), где велись исследования в области истории, экономики, этнографии, языкознания стран Тропической Африки, но специалистов-правоведов в Институте не было. Небольшое их число появится позже.

Сходная ситуация была в Институте народов Азии (ныне – Институт востоковедения) АН СССР.

Факультет экономики и права УДН (разделенный в 1996 г. на экономический и юридический факультеты) комплектовался тогда из преподавателей советских вузов, которые в большинстве своем не знали ни иностранных языков, ни иностранного права, тем более права столь экзотического континента, как Африка.

Кстати, и я пришел на факультет с немецким языком. Условием моего зачисления в аспирантуру было изучение английского до уровня, позволяющего читать англоязычные источники по африканскому праву.

Вспоминается, как мы с моим научным руководителем, профессором А.Ф. Шебановым, работая над планом моей кандидатской

диссертации, отвергли семь (!) его вариантов, прежде чем нашли приемлемый и потеряли на это несколько месяцев. Сам этот факт говорит о том, что мы тогда весьма приблизительно представляли африканскую правовую реальность. И даже когда нам удалось найти эту мою «нишу» (время показало ее актуальность), мы должны были «завернуть» проблематику диссертации в идеологический целлофан марксизма-ленинизма. Диссертация готовилась на кафедре теории и истории государства и права, поэтому африканское право должно было рассматриваться сквозь призму идеологического и политического противостояния двух мировых систем – социализма и капитализма. В преломлении к африканскому континенту, как и к развивающимся странам в целом, это нашло свое отражение в разделении развивающихся стран на страны социалистической и страны капиталистической ориентации. Тем самым это противостояние распространялось и на «третий мир». Синонимом понятия «социалистическая ориентация» было словосочетание «некапиталистический путь развития». В итоге название диссертации звучало так: «О некоторых особенностях национального права в странах Африки, развивающихся по некапиталистическому пути». При этом политико-идеологический аспект проблемы в структуре работы стоял на первом месте.

Сегодня, с высоты времени отчетливо видно, что речь-то шла о взаимодействии в рамках африканского права европейской и традиционной правовых культур. Первая из них выступала в форме романо-германского или англосаксонского права, вторая – в форме обычного и (или) мусульманского права. Сама логика исследования требовала рассмотрения истории развития той и другой культуры в рамках африканского континента, характера правопонимания, присущего той и другой структуре европейского и традиционного африканского права, их соотношения и т.д. Однако все это

рассматривалось сквозь призму социалистической ориентации как главной, стержневой идеи.

Я не случайно столь подробно остановился на собственной диссертации, поскольку такой подход был типичен для нашей советской юридической африканистики.

Порядка 80% студентов УДН составляли выходцы из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Университет не мог развиваться, не исследуя проблематики стран приема. Неудивительно поэтому, что по мере формирования факультета экономики и права, подготовки на нем аспирантов по африканской проблематике он все более активно занимался такими исследованиями. В ходе их проведения мы постоянно сотрудничали с сектором развивающихся стран Института государства и права АН СССР (ИГПАН АН СССР), созданным еще в начале 1960-х годов. Сначала его возглавлял профессор С.Л. Зивс, а затем (с 1970 г.) – профессор В.Е. Чиркин. Конечно же, сотрудники Института, занимавшиеся только академической наукой, могли более интенсивно, чем мы, вести научные исследования. В этом смысле надо признать, что в то время центром юридической африканистики был все же ИГПАН, а не УДН. Однако общая направленность научных исследований обусловила тесное сотрудничество ученых ИГПАНа и преподавателей нашего факультета. Мы участвовали во многих их изданиях, их сотрудники – в наших. Кроме того, отдельные ученые института (профессор Чиркин В.Е., доцент Супатаев М.А.) читали лекции у нас на факультете. Пожалуй, чаще других в наших совместных исследованиях факультет представляла кафедра теории и истории государства и права во главе с профессором О.А. Жидковым.

Африканские государственно-правовые проблемы (с уклоном на проблемы государственности) разрабатывали также ученые Института

Африки и Института востоковедения АН СССР. Здесь мы сотрудничали лишь на уровне научных конференций.

Разделение развивающихся стран в целом и стран Африки в частности на страны социалистической и капиталистической ориентации было принципиальной методологической установкой того времени, обязательной для каждого исследователя. Уже в первом капитальном труде по этой проблематике, изданном Институтом государства и права (с участием преподавателей нашего факультета) «Право в независимых странах Африки» (становление и развитие), М., 1969, страны афро-азиатского региона были разделены на три группы: страны капиталистической ориентации, страны социалистической ориентации и страны, еще не избравшие путь социально-политического развития. При этом преобладающей тенденцией общественно-политического развития в масштабах Африканского континента объявлялись неуклонный рост числа государств социалистической ориентации и углубление революционного процесса в этой группе стран [1, с.3-14].

Сквозь эту матрицу (призму, схему), считавшуюся преломлением марксизма к современным условиям, нам и следовало изучать государственно-правовые проблемы развивающихся стран. Ее автор – профессор Р.А. Ульяновский был ответственным сотрудником аппарата ЦК КПСС. Поэтому его видение проблемы было не просто концепцией одного из ученых-специалистов в данной области, а имело силу партийной директивы, подлежащей безусловному исполнению. Видимо, не случайно все основные работы по данной проблематике выходили с предисловием Р.А. Ульяновского.

Это в частности, «Государство социалистической ориентации», М., 1975 г.; «Право в странах социалистической ориентации», М., 1979 г.; «Государство в странах капиталистической ориентации», М., 1982 г.;

«Политические системы в странах социалистической ориентации», М., 1985 г. и т.д.

Сектор развивающихся стран ИГПАНа при нашем активном участии выпустил довольно большую серию работ по проблемам государства и права развивающихся стран, где африканская тематика обычно занимала важное место. Это – трехтомный курс «Конституционное право развивающихся стран», а также работы, вышедшие в рамках серии «Государство и право в развивающихся странах» – «Армия в политической системе», «Государство и экономика», «Государственный аппарат», «Национальные отношения», «Источники права» и т.д. Отдельно следует отметить коллективную работу «Мусульманское право: структура и основные институты». М., 1983.

Наш вклад в развитие африканской тематики, помимо участия в указанных работах, состоял:

1) в защите кандидатских диссертаций по различным ее аспектам (Заварнов Н.А., Высшие органы власти и управления в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда). М., 1973; Шарце М.Г. Механизм формирования и действия права в государствах Тропической Африки (на примере стран Восточной Африки – Кения, Танзания, Уганда). М., 1983; Безбах В.В. Правовое регулирование аграрных отношений в развивающихся странах. М., 1983; и т.д.)

2) В написании учебных пособий как по темам диссертаций (М.Г. Шарце, В.В. Безбах), так и по иным темам (Куфакова Н.А. Государственный аппарат в развивающихся странах. М., 1985; Муромцев Г.И. Систематизация и кодификация права в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1983; Штатина М.А. Административное право развивающихся стран. М., 1985; и т.д.)

3) В подготовке сборников научных статей по указанной проблематике – Политические и правовые системы стран Азии, Африки

и Латинской Америки / Редкол. Жидков О.А. и др. М., 1983; Право и социальный прогресс в развивающихся странах. / Отв. ред. Жидков О.А. М., 1986; и т.д.

4) В подготовке аспирантов из стран Африки, как правило, по проблемам их собственных стран. Это, в частности, Саньи Ж.Г. Становление национальной системы права Республики Камерун. М., 1986; Фавзи М.М. Развитие государственного устройства Судана. М., 1976; Чакушия Пану Чукина. Основные проблемы правового регулирования брачно-семейных отношений в странах Центральной Африки. М., 1985; Самуэль Вили Николь. Становление и развитие гражданской службы в Сьерра-Леоне. М., 1990; и т.д.

5) Подготовка докторских диссертаций по проблематике развивающихся стран, включая проблематику Африки – Муромцев Г.И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки (теоретико-правовые проблемы), М., 1990.

6) В издании монографий по данной проблематике – Муромцев Г.И. Источники права в развивающихся странах Азии и Африки: система и влияние традиций. М., 1987.

Следует признать, что, исследуя указанные проблемы, мы тогда искренне верили в истинность концепции социалистической ориентации, как и марксизма в целом. Мы пропагандировали ее в студенческих аудиториях, в диспутах со студентами в общежитии, в своих научных работах. Сегодня об этом вспоминается с немалой толикой грусти и даже стыда. Ведь жизнь, как известно, над нами жестоко посмеялась. Извлекли ли мы из этого уроки? Думается, и да, и нет. Так, едва ли можно отрицать, что марксизм-ленинизм был самой значительной и самой дорогой в истории утопией – по времени существования общества, построенного по его модели, по невероятной цене, за это уплаченной, наконец, по степени влияния на развитие мира. Видимо, мы были обречены пройти через это во многом потому, что

забыли библейскую заповедь: «Не сотвори себе кумира». Что делать, – отказавшись от религии в ее историко-культурном смысле, мы следовали атеистической религии – марксизму-ленинизму, которая не терпела отступления от ее догм. И вот распался Советский Союз (это, кстати, отнюдь не вытекало из логики развития событий, поскольку тоталитарный режим, с которым боролись наши демократы – (в кавычках и без) – и территориальная целостность государства – понятия отнюдь не однозначные). Россия вступила в новую полосу своей истории. И снова мы наступаем на исторические грабли вследствие игнорирования законов истории.

Оно (это игнорирование) проявляется в первую очередь в непонимании российским законодателем (прежде всего, конституционным) той истины, что переход столь гигантской страны, как Россия от одной общественной системы к другой нельзя осуществить «с сегодня на завтра», что здесь требуется исторически переходный период, равный жизни нескольких поколений. Россия, которая вторично в течение столетия строит капитализм (теперь уже – с нуля), с помощью права создает его идеальную модель, преломляя ее к отношениям в обществе. При этом совершенно игнорируется тот факт, что это право заимствовано (реципировано) в странах с совершенно иной культурно-исторической средой и что оно не соответствует ни структуре российского общества, ни его менталитету. Не понявшие этого составители российской Конституции 1993 г. обрекли ее на фиктивность, по крайней мере, в фундаментальных ее положениях. Государство, которое веками было тоталитарно-самодержавным, не может в одночасье стать демократическим, федеративным, правовым и социальным, а права человека – высшей ценностью.

Между тем, в новейшей истории Африки немало примеров, показывающих недопустимость подобной практики. Вот некоторые из них.

В 1929 году Эфиопия обратилась в Лигу Наций с просьбой принять ее в эту организацию. Просьба была отклонена по той причине, что в стране отсутствовала конституция как необходимый атрибут цивилизованного государства. Тогда власти Эфиопии распорядились перевести на амхарский язык японскую Конституцию 1896 г. и приняли ее текст в качестве Конституции Эфиопии. Вторичная просьба Эфиопии о приеме ее в Лигу Наций была после этого удовлетворена [2, с.12].

Не правда ли напрашиваются параллели? Ведь и в Эфиопии на рубеже 1920-х – 1930-х гг., и в России в 1990-х годах Конституция была, по сути, шапкой с чужой головы, которую впопыхах надели без примерки. Поэтому и там, и там она была обречена на фиктивность. Так, Конституция России 1993 г., по существу рецепированная в основных своих положениях, закрепляя принципы, сложившиеся в других культурно-исторических условиях, оказалась во многом неадекватной российским реалиям, прежде всего потому, что не предусматривала исторически переходного периода для формирования соответствующей культуры. Между тем на момент ее принятия в России не было адекватных ее положениям социальной структуры, соответствующих форм собственности, а также политической и правовой культуры.

Опыт России и африканских стран свидетельствует, что можно «с сегодня на завтра» создать структуры власти и провозгласить права и свободы, заимствованные из другой, весьма отдаленной культуры, но на практике это дает совершенно иной результат, чем в странах-донорах. Сегодня общепризнана чудовищная коррупция в российских структурах власти и во многом обусловленный ею факт существования «неформального права», прежде всего, в сфере бизнеса. Лозунг

правового государства, поспешно закрепленный в Конституции РФ, оказался недействующим.

Между тем, опыт становления и краха колониализма в Африке свидетельствует, что переход от культуры одного исторического типа к культуре другого типа требует известного, порой весьма длительного переходного периода, когда эти культуры сосуществуют, прежде чем одна из них вытеснит другую.

Кстати, в Африке этого так и не произошло. Многие десятилетия и даже столетия европейская правовая культура сосуществует здесь с традиционной африканской культурой. Эти реалии, пожалуй, первыми вынуждены были признать английские колониальные власти, когда не сработала их традиционная формула, согласно которой на новых землях, куда ступает нога англичанина, действует английское право. В данном контексте различия между европейской и традиционной африканской культурами были столь значительны, что английское право сплошь и рядом оказывалось неприемлемым к отношениям традиционного (полутрадиционного) африканского общества. В итоге в эту формулу внесли поправку, что английское право действует на территориях Африки лишь в той мере, в какой позволяют местные условия.

Опыт стран Африки свидетельствует, что европейские институты, пересаженные на почву культуры традиционной, сплошь и рядом давали не тот результат, что в странах Европы. Так, попытки введения в Африке парламентской демократии и построения аппарата государства по европейскому образцу породили проблему «бюрократической буржуазии», то есть социальной прослойки, источником обогащения которой стал государственный аппарат. Все объяснялось довольно просто: если европейская культура основана на принципах индивидуализма, то традиционная африканская культура, напротив, на коллективистских принципах обычного права. Африканский чиновник или депутат, выросший, как правило, в традиционном обществе, с одной

стороны, должен был быть педантичным в соблюдении закона и рачительным в расходовании государственных средств, а с другой стороны, как субъект обычного права, должен делиться с соплеменниками последним, в том числе и государственными средствами, находящимися в его распоряжении. В итоге в невероятных масштабах шел процесс личного обогащения и расхищения этих средств.

Не правда ли, большое сходство с ситуацией в России, где многие поколения жили в условиях тоталитаризма и самодержавия, и вдруг люди оказались в условиях провозглашения свободы, демократии, высшей ценности прав человека и т.д., то есть в условиях, требующих мгновенного (по историческим меркам) и радикального изменения шкалы ценностей в общественном сознании. Конечно же, ничего хорошего из этого выйти не могло. В итоге власть имущие, всюю торгуют справедливостью как очень выгодным товаром, а «простые люди» покупают ее за взятки, лишь подтверждая, что форма и содержание общественного здания у нас друг другу не адекватны.

Нечто похожее видим и в новейшей истории Африки. Так, на рубеже 1950-х – 1960-х гг. в Эфиопии проводилась кодификация законодательства, призванная не в последнюю очередь привести его в соответствие с действующей Конституцией. Проект важнейшего из кодексов – Гражданского подготовил крупный французский компаративист, профессор Рене Давид, который гордился тем, что сделал это в одиночку, а не усилиями кодификационной комиссии. В качестве источников Гражданского кодекса были использованы соответствующие кодексы Египта, Франции, Греции, Италии, Швейцарии, Ирана и Османской империи. Кроме того, в кодекс были включены положения памятника эфиопского права XIII в. «Фетха Негаст». Подобный метод синтезирования кодекса Р. Давид называл методом сравнительного права [3, с.505]. Дуализм эфиопского права –

европейского и местного обычного – Р. Давид попытался преодолеть путем признания действующими лишь тех норм обычного права, которые были включены в кодекс (ст. 3347). Остальные его нормы с принятием кодекса должны были утратить силу.

Кодекс был принят в 1960 г. Однако когда через 20 лет Рене Давид приехал в Эфиопию, чтобы убедиться, как работает его детище, он был весьма разочарован: Гражданский кодекс действовал в основном лишь в городах. В сельской местности гражданские дела по-прежнему рассматривались по обычному праву. Как и прежде, в эфиопском обществе доминировало традиционное правовое сознание, основанное на обычном праве. В стране не хватало ни европейски образованных судей, ни системы судов, которая охватывала бы всю ее территорию. Р.Давид с горечью вынужден был признать, что его Кодекс начнет действовать в полной мере лишь лет через 100 или 200 [4, с.29].

Можно привести множество других примеров законодательства африканских стран, скопированного с актов бывших метрополий, которое, несмотря на высокое техническое качество, «не работало» в африканских условиях, принципиально отличных от европейских. Такое законодательство получило здесь название законов-призраков [5, с.27].

А сколько таких законов в современной России? Депутаты, пытаясь объяснить причины их «пробуксовки», обычно говорят, что не был разработан механизм их реализации. Видимо, применительно к отдельным законам нельзя этого исключать. Но теория права в принципе не знает такой стадии законотворчества, как разработка механизма реализации закона. Закон действует (должен действовать) уже потому, что он – закон. А причины его бездействия весьма сходны с африканскими.

Итак, Африка – это неплохой полигон для «обкатки» наших домашних теорий, концепций и доктрин, проверки их исторической состоятельности. Лучше учиться на ошибках других, чем спотыкаться на

ровном месте. Как видим, опыт Африки нужен не только африканцам, но в значительной мере и нам, в России. Только вот изучать его сегодня гораздо труднее, чем в советское время. Тогда наши основные библиотеки были весьма неплохо укомплектованы с точки зрения африканского материала. Сегодня же моя аспирантка, которой я предложил африканскую тему, порывшись в каталогах, вынуждена была от нее отказаться: источников явно мало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Право в независимых странах Африки. (Становление и развитие). – М., 1969.
2. Vanderlinden I. Introduction au droit Ephiopien moderne. – Bruxelles, 1972.
3. David R. Les sources du code civil Ephiopien. // Revue international du droit comparé. № 3, 1962.
4. Муромцев Г.И. Систематизация и кодификация права в развивающихся странах Азии и Африки. / Право и социальный прогресс в развивающихся странах. Сб. статей. Отв. ред. О.А.Жидков. – М., 1986.
5. Gonidec P.-F. Réflexiones sur e'état et le droit en Afrique. // Penant. № 783, 1984.